

РѢЧЬ,

СКАЗАННАЯ ВЪ ДЕНЬ ПОМИНОВЕНІЯ КІЕВСКОЮ АКАДЕМІЕЮ ЕЯ ОСНОВАТЕЛЕЙ, БЛАГОТВОРИТЕЛЕЙ, НАЧАЛЬНИКОВЪ И ВСѢХЪ, ВЪ НЕЙ УЧИВШИХЪ И УЧИВШИХСЯ
(31 ДЕКАБРЯ 1871 ГОДА).

Въ нынѣшній день наше, старѣйшее въ Россіи, училище совершаетъ церковное поминовеніе прежнихъ дѣятелей и покровителей отечественнаго просвѣщенія въ духѣ православной вѣры, записавшихъ свое имя на страницы его исторіи. Торжество это невольно склоняетъ къ прошедшему наше вниманіе, и въ припоминаемыхъ именахъ нашихъ праотцевъ слышатся для насъ многозначительные уроки назиданія.

Можетъ быть, для нашего самодовольнаго времени и для нашей современной науки кажутся мало примѣтными уроки, почерпаемые изъ прошедшаго нашей школы, видѣвшей въ старину много тяжелыхъ дней и знакомой съ нуждою и горемъ. Новые люди и общества, съ свѣжими силами, — задачками широкаго развитія въ будущемъ, не къ старымъ, а къ новымъ временамъ устремляютъ свои помыслы и ожиданія, и отъ будущаго ждутъ великихъ обѣтованій предоставляя людямъ, совершившимъ свое теченіе, жить сожалѣніями и воспоминаніями о потерянномъ раѣ прошедшаго. Для ретиваго ума, быстро несущагося впередъ и другихъ побуждающаго итти впередъ, въ видахъ приближенія къ себѣ изъ неизвѣстной дали будущаго совершеннаго вѣка, люди, оглядывающіеся назадъ, представляются въ страшномъ

образъ *жены Лотовой*, которую одинъ взглядъ на оставшееся позади ся жилище превратилъ въ столпъ сланный, лишенный чувства жизни, а та покойная жизнь прошедшаго, на которую оглядываются люди, устающіе отъ тяжелаго и безостановочнаго пути, въ еще болѣе страшномъ образѣ *мертваго моря*, поглотившаго собою живыя силы, и наводящаго на жителя ужасъ и оцѣпенѣніе могильною тишиною, — безмолвнымъ свидѣтельствомъ погребенной жизни многихъ поколѣній, когда-то радовавшихся и суетившихся на безпокойномъ торжищѣ міра.

Не съ тѣмъ мы высказываемъ такія вещи въ день воспоминаній, чтобы произнестъ или вызвать осужденіе пылкимъ чаяніямъ будущихъ успѣховъ, одушевляющимъ молодыя поколѣнія, выступающія на чреду исторической дѣятельности. Надежда на лучшее въ будущемъ — это солнце, которое, по мановенію свыше, освѣщаетъ и согрѣваетъ сумрачный міръ души человѣческой, особенно подавленной тяжестію жизни. Стремленіе впередъ и впередъ предписано намъ природнымъ, можно сказать, божественнымъ закономъ развитія разумной жизни, и безъ вины, безъ вреда для себя и другихъ, не могутъ позволять себѣ отступленія отъ этого закона ни люди, ни общества. Полною душою мы присоединяемся къ этимъ чувствамъ, которыя вызываютъ усилія для созиданія и украшенія новаго вѣшняго жилища человѣка и для собиранія большихъ богатствъ его духа. И въ области нашей науки мы съ радостію готовы привѣтствовать будущіе успѣхи новыхъ поколѣній, и съ охотою подставляемъ нашимъ преемникамъ рамена свои, можетъ быть, уже истомленные отъ сильной ноши жизни, чтобы опираясь на нихъ они стали какъ можно выше насъ. Итакъ пусть цвѣтутъ надежды на лучшее будущее! Пусть бодро и неустанно стремится впередъ каждое поколѣніе! И юность, выступающая на служеніе нашей наукѣ при новыхъ условіяхъ, для нея создаваемыхъ, пусть далеко превзойдетъ прежде жившія

и нынѣ отживающія поколѣнія! И это будетъ не честь ея; это будетъ ея долгъ и обязанность.

Но кто стремится впередъ,—долженъ помнить, что будущее не мыслимо безъ прошедшаго, и что всякое развитіе началъ какъ жизни, такъ и науки въ прошедшемъ имѣть исходную точку свою, и тѣмъ крѣпче и надежнѣе оно, чѣмъ тверже опирается на широкую историческую почву. Тѣ мудрецы, которые со вчерашняго дня ведутъ начало своимъ созиданіямъ, если не нынѣ, то завтра увидятъ исчезновеніе ихъ: какъ бы ни были красивы и обольстительны онѣ, на первый взглядъ,—безъ преданій, безъ твердыхъ основъ на почвѣ жизни, онѣ проносятся предъ взорами живущихъ, какъ мимолетныя порожденія играющей мечты. Въ скрижали закона Божія, содержащей заповѣди, устроющія земное благополучіе и взаимныя отношенія людей между собою,—самая первая заповѣдь общаетъ благо и долгоденствіе читателямъ отца и матери. Люди разума въ этой мудрой заповѣди не хотятъ видѣть тѣсной мысли, прямо выражаемой ея буквою, и не къ однимъ лицамъ относятъ ея указанія, и къ началамъ, учрежденіямъ и обществамъ. Здѣсь слышится глубокая мысль, лежащая въ основѣ историческаго развитія: тамъ бодро и съ успѣхомъ жизнь течетъ отъ силы въ силу и отъ славы въ славу, гдѣ чтутся завѣты отцовъ, и опыты поколѣній, наживаемые вѣками, не расточаются своевольною самонадѣянностію и не топчутся въ грязь, а блюдутся, какъ сокровища, нажитыя отцами въ обезпеченіе состоянія дѣтей.

Наше настоящее скромное торжество—выраженіе почтенія нашего къ памяти нашихъ предковъ на поприщѣ нашего служенія, и въ немъ мы видимъ свидѣтельство того, что, поминая добротія для насъ имена, мы помнимъ и хранимъ тѣ завѣты, какіе они оставили въ наслѣдіе своимъ потомкамъ, и цѣнимъ ихъ заслуги для насажденія и возвращенія православной науки въ наше отечествѣ.

Уважать память и завѣты нашихъ предшественниковъ не значить жить единственно ихъ наслѣдіемъ, не заботясь о приумноженіи стяжаннаго ими богатства. Тотъ не добрый сынъ, кто живетъ безъ дѣла на счетъ родительскаго наслѣдія: какъ бы ни было значительно оно, оно измельчаетъ и исчезнетъ, когда тощія безплодныя поколѣнія будутъ снѣдать пажитое поколѣпіями тучными и многоплодными. Какъ оружіе брани въ мірѣ государственномъ уже не то теперь, какое было въ прежніе вѣка, усовершеншавшаяся съ каждымъ годомъ, такъ не годятся для нашего времени тѣ тяжелыя схоластическія забрала, подъ какими выступали витязи науки поминаемые нашею вѣковою исторіею. Уваженіе къ предкамъ не освящаетъ неприкосновенностію тѣ случайныя обмолвки, какія они допускали въ жаркой борьбѣ за истину, и тѣ односторонности, какія неизбѣжны въ развитіи истины при посредствѣ ограниченныхъ силъ нашего духа. Въ мірѣ науки предметомъ подражанія должны быть не частности построенія, не внѣшнія формулы выраженія, въ которыя облачаетъ обсуждаемую истину умъ даже великій и сильный: живой языкъ неизбѣжно мѣняется съ каждымъ новымъ поколѣніемъ, и внѣшняя оболочка мысли должна быть своя не только у каждаго поколѣнія, но и у каждой самостоятельной личности. Есть вѣковѣчныя начала въ области науки нашей: вѣрность имъ преданность истинѣ и ея охраненіе—вотъ что должно быть у насъ на глазахъ, когда мы хотимъ быть достойными сынами трудолюбивыхъ отцовъ.

Съ почтеніемъ помянемъ во первыхъ энергію и силу убѣжденія прежнихъ дѣятелей науки, здѣсь воздѣлываемой. Почтимъ въ нихъ людей не только холоднаго знанія, которымъ, можетъ быть, они не сравниются съ представителями нынѣшней науки, но и людей теплаго убѣжденія, которымъ они превосходятъ нынѣшнюю ученость. А міромъ нравственнымъ управляютъ не знанія, обременяющія голову, а убѣжденія, проникающія всего человека и дѣлающія его немолчнымъ глашатаемъ исповѣдуемой

истины. Созидаетъ любовь, а не разумъ кичащій и надмѣвающий. Убѣжденіе нашихъ праотцевъ выросло изъ двухъ корней, — изъ началъ вѣры и любви къ родной странѣ, и воспитанію, и укрѣпленію этого убѣжденія не мѣшали ни схоластическія формы науки, ни чуждыя виѣшнія вліянія, сюда заносимыя. Истина, ими изучаемая и преподаваемая, облекалась въ школь въ чужой языкъ, но подѣ дѣйствіемъ живучаго православно-русскаго духа, входила въ ихъ плоть и кровь, и умственные силы ихъ вызывались къ напряженной дѣятельности, къ горячей борьбѣ за жизнь и смерть, когда они видѣли приращеніе къ себѣ или нападенія на свою святыню не правовѣрія и заблужденія. Между ними не видно того безразличнаго отношенія къ истинѣ вѣры (извѣстнаго на новомъ языкѣ подѣ именемъ индифферентизма), которое составляетъ не рѣдкую болѣзнь нашего времени, — не видно тѣхъ безцвѣтныхъ личностей, которыя нынѣ безъ чувства и страсти смотрятъ на врага ихъ самой дорогой святыни, готоваго попортить эту святыню. Намъ не рассказывать здѣсь цѣлой исторіи нашей Академіи. Вы знаете, что ревность по православію клала первыя основанія здѣшняго скромнаго училища, и тѣ, которые несли сюда посильныя жеривы, имѣли въ виду, чтобы здѣсь возрастали и созрѣвали сильные и неподкупные носители русскаго православнаго духа. Тотъ уголокъ, въ которомъ нашли пріютъ столько великихъ и сильныхъ изъ нашихъ отцовъ, и на которомъ живемъ и мы нынѣ, подаренъ достопамятною Анною Гулевицевою. *пылавшею набожною ревностію къ распространенію славы Бога въ Троицѣ единая, изъ любви и привязанности къ братіямъ своимъ — народу русскому*, подаренъ съ тѣмъ, чтобы здѣсь была *устроена и распоряжаема школа по закону и чину, каѳолической восточной церкви, по семи вселенскимъ соборамъ и по преданію святыхъ отцевъ греческихъ*. Вы знаете, что тотъ же духъ заставилъ Петра Могилу принять мѣры къ возвышенію этой школы, (*—единственнаго его зала*), какъ онъ выражался), ко-

горая, по его желанію, должна была стать оплотомъ противъ иновѣрія, вооруженнаго всѣми средствами тогдашней образованности. И завѣтныя мысли основателей и благотворителей Кіево-Могилянской коллегіи не пропали даромъ. Начальные старѣйшіе члены нашего братства цѣловали крестъ *одинъ за всѣхъ, и всѣ за одного*, принимая на храненіе вручаемую имъ святыню вѣры, и клятвенно обѣщаясь блюсти ее, — и они сохранили ее и неизмѣнили своей клятвѣ... Имена иныхъ изъ воспитанниковъ здѣшней школы (какъ святителей, Димитрія и Иннокентія) прославлены не человѣческимъ только судомъ, но и судомъ Божиимъ, за святость жизни и ревность по вѣрѣ, причислившимъ ихъ къ лику избранныхъ церкви небесной. Изъ великаго сонма питомцевъ нашей школы, нынѣ поминаемыхъ, кого бы ни назвали мы, въ каждомъ имени оживаетъ предъ нашею душею или бодрый стражъ русской святыни или честный труженикъ, старающійся посадить и укрѣпить чистую православную науку въ томъ или другомъ концѣ широкаго пространства земли нашей. Здѣсь, на югѣ и западѣ Россіи, побѣдоносно борются они съ латинствомъ, охраняя православіе, а на сѣверѣ обличаютъ упорное левѣжество раскола и противодѣйствуютъ вліянію наносныхъ лютеровыхъ заблужденій. Захарій Копыстенскій, Іоанникій Голятовскій, Епифаній Славинекскій, Стефанъ Яворскій, Георгій Кописскій и многіе, многіе другіе — все это образцы честнаго труда, образцы горячаго убѣжденія, образцы энергической дѣятельности, посвященной тѣмъ началамъ, какія лежатъ въ основаніи нашей школы.

Но поминаемые нами дѣятели велики не личною только энергіею убѣжденія, но и духомъ крѣпкаго братства. Они посвящали свое время и силы здѣшнему училищу и его наукѣ не потому, чтобы привело ихъ сюда мѣсторожденіе, случай, происхожденіе и тому подобныя обстоятельства. Ихъ связь съ здѣшнимъ святилищемъ науки была не виѣшняя только, а внутренняя, основанная на гармоніи духовныхъ настроеній. Убѣжденіе, убѣжденіе го-

рячее и глубокое невидимую, но ощущаемую питью связывало ихъ въ одну семью; отъ того и дѣйствіе ихъ въ исторіи было весьма замѣтное и широкое. Единичныя силы, часто не очень значительныя, можетъ быть, меньшія тѣхъ, какими располагаетъ нынѣшняя школа, сказали свое слово слышнѣе и вліятельнѣе для современнаго общества и потомства, чѣмъ какъ мы говоримъ свое, потому что они говорили дружнымъ хоромъ, гдѣ слабость одного восполняется силою и дѣйствіемъ другихъ. Основанное братствомъ, наше училище и жило братствомъ, и въ немъ находило свою силу, возбужденіе, исправленіе, поддержку и укрѣпленіе своей дѣятельности. Тяжелыя обстоятельства *иногда* вынуждали отступленія въ рядахъ защитниковъ православія, но каждое отступленіе возбуждало въ массѣ представителей науки сильнѣйшее чувство вѣры и любви къ роднымъ завѣтамъ и тѣмъ крѣпче спланивало ихъ для вѣрпой борьбы за самоохраненіе.

Чествуя горячія убѣжденія и духъ братствъ въ нашихъ праотцахъ, мы не можемъ не питать въ душѣ своей пламенныхъ пожеланій по отношенію къ себѣ самимъ, къ настоящему времени. Эти пожеланія не обличенія намъ и нашему времени. Всѣ мы свято чтимъ начала, какимъ служили отцы наши, и тѣмъ подозрѣнія на наше время въ уклоненіи отъ ихъ святыхъ завѣтовъ была-бъ для насъ оскорбительною несправедливостію. Не есть ли въ нашихъ и чистыхъ убѣжденіяхъ та горячность, которая бы держала наши силы какъ напряженные струны инструмента?

И такъ-ли трепещетъ наше сердце при видѣ развѣвующагося знамени православія, какъ трепетало оно у нашихъ отцовъ и дѣдовъ? То было другое время, скажете вы. Назойливый, безпокойный врагъ дерзновенно наносилъ оскорбленія этому знамени, производилъ хищенія святаго достоянія церкви, насилія ея служителямъ и вѣрнымъ сынамъ, и тѣмъ вызывалъ на брань нашихъ предковъ. Но развѣ нынѣ рѣдкость небрежное отношеніе къ тому знамени, которое охранять и высоко держать мы при-

званы, и тѣмъ святымъ началамъ, которыя мы должны разъя-
снять другимъ? И у насъ предъ глазами есть врагъ,—его назы-
ваютъ современнымъ язычествомъ—можетъ быть болѣе опасный,
чѣмъ враги, съ какими боролись отцы наши. Не замѣтно, но ши-
роко распускаетъ онъ свои сѣти въ нѣдрахъ христіанскихъ об-
ществъ, и ему безъ борьбы отдають святыню своей вѣры и
сильные вѣншими образованіемъ люди.

Всѣ смущенія стоимъ мы предъ великими задачами науки
нашей. Каждый изъ насъ несетъ посильную работу въ общемъ
подвигѣ, на насъ возложенномъ. Можетъ быть, значительныя не-
дужинныя силы тратятся на эту работу. Но труды наши разбро-
саны и случайны: каждый въ нихъ предоставленъ самому себѣ;
себѣ, и внутренняя сила, насъ связующая, не показывается въ
нашихъ работахъ. Отъ того нѣтъ широкаго дѣйствія на общество
отъ тѣхъ плодовъ, какими дѣлятся представители нашей науки
съ любителями религіозныхъ знаній. Отъ того въ рядахъ на-
шихъ преждевременная усталость, и нѣтъ оживленія въ трудѣ.
Воспоминая духъ ученаго братства, изъ немногаго создавашаго ве-
ликую историческую силу, постараемся обновить его въ себѣ,
какъ для своего укрѣпленія, такъ и для болѣе плодотворнаго и
сильнаго служенія наукѣ. Живое братство подниметъ силы сла-
бѣющія, подвигнетъ на работу силы засыпающія, направитъ на
добрый путь начинающихъ и заблуждающихся, возвыситъ энергію
крѣпкихъ и бодрыхъ, и подъ оживляющимъ дѣйствіемъ его, одно
и тоже общество явится въ новомъ видѣ и новой силѣ. Вопросы
дня, важныя для вѣры, которые нынѣ проходятъ почти мимо
насъ, тогда, при нашей внутренней связи, сдѣлаются насущными
нашими вопросами, и отъ насъ услышится отвѣтъ на нихъ болѣе
полный и звучный, чѣмъ какой слышится нынѣ. Тѣмъ настоятель-
нѣе вызывается нужда тѣснѣйшаго братскаго общенія между ны-
нѣшними служителями богословской науки, что раздробленіе ре-
лигіозныхъ знаній, условливаемое пущами времени и новымъ

строимъ нашей школы, ослабляетъ прежнюю цѣльность и полноту воззрѣній въ молодыхъ богословахъ, и безъ взаимныхъ обмѣновъ мысли можетъ сдѣлать ихъ глухими ко многому и существенному въ широкой, но пераздѣльной наукѣ вѣры. Аминь.

В. Пльвицкій
